

КУЛЬТУРА И ЖИЗНЬ

Формула нашего времени

Жизнь есть постоянная борьба множества различных силъ. Для исторической, т. е. сознательно жизни характерно, что въ каждый данный моментъ эти силы стремятся стянуться къ двумъ полюсамъ; и чѣмъ напряженнее жизнь, тѣмъ отчетливѣе сказывается это стремленіе. Въ годы Мировой войны, напр., была бы невозможна какая-нибудь параллельная ей война, и даже нейтралитетъ удалось сохранить — и то, сколь относительно былъ этотъ нейтралитетъ! — лишь немногимъ незначительнымъ державамъ. Конечная задача историка каждаго отдѣльнаго періода — усмотрѣть и формулировать тѣ две противоборствующие тенденціи, которыя определяютъ образованіе такихъ коалицій историческихъ силъ, тенденціи, сказывающіяся решительно во всѣхъ областяхъ жизни, въ обществѣ и въ Государствѣ, въ правѣ и въ быту, въ литературѣ и искусствѣ, въ религи и въ наукѣ. Въ сущности, эти две тенденціи всегда одне и тѣ-же, и являются стремленіемъ къ осуществленію двухъ началъ: свободы и порядка, личнаго начала и коллективнаго, Различіе же отдѣльныхъ историческихъ моментовъ въ томъ, какъ, въ каждый изъ нихъ, эти начала понимаются, во имя чего ведется борьба между ними, въ

какихъ сферахъ каждое изъ нихъ преобладаетъ, кто является носителемъ ихъ. Здесь возможны самыя разнообразныя сочетанія, комбинаціи, порождающія самыя неожиданныя недоразумѣнія и противорѣчія. Такъ романтизмъ былъ бунтомъ личнаго начала, «души» съ ея «страстями», противъ безличнаго, абстрактнаго Разума съ его общезначущими и потому общеобязательными «правилами». И вмѣстѣ съ тѣмъ, создавъ ученіе о коллективномъ индивидуумѣ, народѣ съ его собственной «душой», романтизмъ сталъ силою враждебной рационалистическому либерализму и индивидуализму, а тѣмъ самымъ, отчасти, — либерализму и индивидуализму вообще. Безконечное разнообразіе подобныхъ комбинацій и противорѣчій опредѣляютъ собою то, что усмотреть сущность каждаго историческаго момента очень трудно и возможно только путемъ сравненія; причемъ, естественно, что въ первую голову изучаемый моментъ слѣдуетъ сравнить съ тѣмъ, который непосредственно предшествовалъ ему. Но тутъ новая трудность. Где, въ непрерывномъ потоке времени, кончается одинъ періодъ и начинается другой? Гдѣ, напр., кончается «Средневековье» и начинается «Ренессансъ», кончается «эпоха классицизма» и начи-

нается «эпоха романтизма»? Точные хронологическія грани, конечно, просто не существуют. И все же, поскольку рѣчь идетъ о «нашемъ времени», мнѣ кажется, что все люди, прожившіе лѣтъ 25-30 сознательной жизни, если не знаютъ отчетливо, то чувствуютъ, что такое это «наше время» и помнятъ приблизительно, когда оно началось и съ чего. Здесь приходится снова упомянуть о томъ, чего я уже касался, — о ритме исторіи. «Наше время» начинается — въ томъ смысле, что начинаетъ сознаваться и непосредственно ощущаться какъ наступленіе чего-то новаго, какъ какой-то кризисъ — столѣтіе спустя перваго после крушенія «Средневѣковья» европейскаго кризиса, эпохи романтизма, и начинается притомъ съ того-же самага: съ «тревоги» и съ «бунта» — и это, когда, казалось-бы, объективныхъ, бытовыхъ условій ни для «тревоги», ни для «бунта» не было; когда жилось благополучнее, спокойнее, чѣмъ когда бы то ни было. Романтическая «тревога» была симптомомъ и послѣдствіемъ бунта «страстей», «чувствъ», индивидуальной «души» противъ абстрактнаго Разума. Эпоха романтизма была временемъ эмансипаціи индивидуальностей, единичныхъ и коллективныхъ, людей и народовъ. Это была социальная, политическая, національная Революція. Революція нашего времени была иного рода она была революціей не личностей и не общественныхъ коллективовъ, а культурныхъ сферъ и присущихъ имъ «идей» и духовныхъ свойствъ. Примѣръ былъ поданъ, кажется, науками. Имъ было мало того, что онѣ освободились отъ подчиненія

религіи, а затемъ метафизикѣ* имъ нужно было — и это было условіемъ ихъ «прогресса», по крайней мѣрѣ для одной категоріи ихъ, для «точныхъ» наукъ, задававшихъ тонъ и заражавшихъ своими претензіями прочія, — отмежеваться, обособиться другъ отъ друга, обзавестись собственнымъ матеріаломъ и собственнымъ методомъ. Вотъ, собственно, въ какомъ смысле слѣдовало бы теперь употреблять терминъ «чистая» наука. За науками потянулись искусства Музыка безъ «души», живопись безъ «сюжета», поэзія безъ доступнаго разуму «смысла», архитектура безъ орнамента, — такъ осуществлялась идея «чистаго» самодовлеющаго искусства. Каковы бы ни были — мы видимъ это — различія въ пониманіи «чистоты» въ сферахъ науки и въ сфере искусства, тенденція ихъ общая, внутренне сродная съ основной этической тенденціей нашего времени, нашего, какъ никакой другой, откровеннаго вѣка. Все обнажить, «выявить», вывести на чистую воду, разоблачить, все договорить до конца — вотъ его главная черта. Добродѣтель? Порокъ? Вопросъ праздный, ибо въ жизни все хорошее смешано съ дурнымъ, и нѣтъ худа безъ добра. Целесообразнее, следовательно, сперва обозреть факты жизни и взвесить ихъ, а затѣмъ уже судить и осуждать. Если известная тенденція проявляетъ себя всесторонне, во всѣхъ отрасляхъ жизни, то это во всякомъ случае значить, что она — не выдумка праздныхъ умовъ, а какъ-то опредѣлена самымъ ходомъ жизни, а значить, темъ самымъ — «существенна», «разумна», нужна, и что кое-что, и даже очень

многое, изъ достигнутаго на путяхъ ея осуществленія, не пропадетъ безслѣдно. **Жизненность** — къ этой тенденціи врядь-ли можетъ быть оспариваема, если принять во вниманіе, что нельзя, кажется, указать ни одной сферы, въ которой бы она не давала себя знать. Съ этой точки зрѣнія характерны явленія, относящіяся къ области быта, повседневности, личныхъ отношеній, напр., то, какъ хочется взглянуть современный человѣкъ. Романтизмъ положилъ конецъ барочному сапонпаге'у, парикамъ, скрывавшимъ голову, платьямъ, скрывавшимъ очертанія тѣла; но, отказавшись отъ маскировки при помощи «искусственныхъ», бугафорскихъ, средствъ, романтизмъ только замѣнилъ ее другою, воспользовавшись «естественными» средствами: волнистые кудри, спадающе ключьями на «задумчивое чело», «свободно» растущая борода были непременимыми атрибутами романтическаго человѣка; символами его «итализма», его «треноги» и его «порывовъ», его близости къ «природѣ». Современный мужчина не маскируетъ себя никакъ, онъ кажетъ себя такимъ, каковъ онъ есть. Силь его одежды, его прически вполне соотвѣтствуютъ стилю современнаго догта. Тенденція къ обособленію субстанцій сказывается въ рѣзкой прогивоположности, въ разсматриваніи отношеній женщины и мужчины: женщина всячески укрѣпляетъ себя, гримируется; но она дѣлаетъ это откровенно, безъ обману: она краситъ свои губы такъ, чтобы всякому сразу было видно что опѣ крашенія. Предѣльнымъ выраженіемъ этой тенденціи въ области моды, настоящимъ символомъ нашего времени является

нюдизмъ. Голый человекъ — такова воплощенная идея новаго века.

Нѣтъ сомнѣній, что всемірная Революція явилась послѣдствіемъ міровой Войны. Но Война только способствовала усиленію уже бывшей на лицо тенденціи: идеи «чистой» національности и «чистой» расы, «тоталитарнаго», всецѣло поглощающаго личность и Общество Государства, хозяйственнаго и политической «автаркии», зародились еще до Войны.

Какъ объяснить возникновеніе этой тенденціи въ эпоху столь очевиднаго роста и укрѣпленія начала солидарности, взаимодействія въ области социальныхъ отношеній, въ культуре, въ эпоху мірового хозяйства, міровыхъ языковъ, въ эпоху, когда міръ былъ близокъ къ тому, чтобы стать единымъ цѣлымъ, когда исторіи отдѣльныхъ народовъ, странъ, культурныхъ круговъ уже стали частью того, чѣю никогда раѣе не было, — всемірной исторіи? Поскольку дѣло идетъ о современности, приходится признать хотя-бы относительную правительность «марксистской» точки зрѣнія. Никогда раньше хозяйство и техника не играли такой роли, не давали чувствовать своею господства и потому не обладали такимъ престижемъ. Вотъ почему структура этихъ областей, равно какъ и обслуживающей ихъ области «точной» науки — специализация, раздѣленіе труда, — стала, путемъ заразы, проникать во все остальные области жизни и деятельности, стала ихъ структурою.

Но это «марксистское» объясненіе еще недостаточно. Не все факты укладываются въ его схему. Все въ исторической жизни слу-

чайно, в том смысле, что всякое явление есть результат действия никогда не одной, а нескольких факторов, вовсе не необходимо совпадающих друг с другом во времени. Таким, независимым от прогресса точной науки, хозяйства, техники, и — в области культуры — не менее мощным, фактором быть историзмъ. Ведь только в XIX веке люди узнали и поняли и ощутили неисчерпаемое богатство и разнообразие плодов культурного творчества всех времен и всех народов, преодолели узко-европейскую, «провинциальную» точку зрения на историю философии, религии, литературы, искусства, увидели, сколь много из того, что в христианско-европейской культуре считалось ее духовной собственностью, было заимствованным, — и этою одною было уже достаточно, чтобы сам собою навязался вопрос: что же в каждой культуре, воплощенной в ее ценностях, условно, преходяще, принадлежит истории, и что необходимо, «существенно», обладает вечным, абсолютным значением? Вопрос этот ставился и раньше — и в эпоху первого соприкосновения европейского человечества с другими культурами, с Античностью, с Востоком, — время Ренессанса, — и в эпоху классицизма; но тогда ставился по иному, и с меньшей остротою: истинно во всех религиях то, что согласуется с христианскою догмой, или с требованиями «здравого разума»; прекрасно во всяком искусстве то, что согласуется с канонами прекрасного, выработанными «правильным вкусом», — и г д в

том-то и заслуга историзма, что он вскрыл относительность самих понятий «здравого» разума, «правильного», или «хорошего», вкуса и им подобных. Тем самым историзм подвел к усвоению новых критериев Истинного, Прекрасного, религиозно, философски или эстетически абсолютно-ценного: это то, что обусловлено самой идеей каждой из соответствующих сфер.

Факт всесторонности, а стало быть жизненности, известной внутренней необходимости этой тенденции уже сам по себе служить залогом ее плодотворности. О поистине гигантских, чудодейственных достижениях современной науки лишнее и говорить. Искусство, действительно, во многих отношениях стало чище, нежели оно было когда-либо в Европе. Живопись безвозвратно отбросила от всех элементов повествования, или фотографичности. Равным образом, там, где литература не подчинена требованиям «социального заказа», сейчас просто невозможен роман, которая главным содержанием было бы изображение «общественных движений» и их «идеологий» и т. п., как в романе прошлого века. Чище, легче, свободнее от условностей, от примесей сырого, недоработанного материала, сделались продукты творчества во всех решительно сферах его. И вместе с тем осуществлено было и другое начало, органически связанное с началом чистоты: начало откровенности. Для мысли и для слова нет более запретных областей, — ни слишком «высоких», ни слишком «низких», для того, чтобы их осмеливаться касаться. Все

может быть, и должно быть, разоблачено, показано таким, каково оно есть. Сомнительно быть не может; революция субстанций торжествует, и никакая контр-революция не в силах раздвигать того, что ею было достигнуто.

Если так, то почему настроения тревоги, ощущения неблагополучия, тоски, предсмертных предчувствий не слабнут, а напротив крепнут и растут? Одним европейским хаосом все это объяснить: периоды экономических кризисов, безработицы, скрытой войны бывали ведь и раньше. Кризис культуры, быть может, и поддерживается кризисом хозяйственным и политическим, но ПС обусловлен им. Это — два случайно совпавших во времени кризиса.

Если вдуматься в это, выясняется во всей полноте смысл формулы нашего времени, как времени доведения до конца всех начинаний, осуществления вневременных чаяний человечества и вместе — оправдания вековых опасений его. В наши дни раскрылся смысл древняго мифа о Люцифере, Деннице. Домогаясь абсолютной Правды, Правды-Справедливости и Правды-Истины, поднял он бунт свой, бунт подчиненной субстанции. И вот **Свѣтоносецъ** сталъ Княземъ Тьмы, поборникъ Правды — отцомъ Лжи, грозный соперникъ Всемоушаго Бога жалкимъ чортомъ, предметомъ издевокъ въ народныхъ сказкахъ. Такова была цѣна его выкупа на свободу. И нынешняя культура платится дорого за свои достижения. Великъ прогрессъ науки, но уже Анатолий Франсъ сказалъ: «Науки благотворны: оне мѣшаютъ людямъ думать». Мало того,

что при нынешней механизации и специализации въ научной работѣ, делать «вклады въ науку» — и притомъ не какіе-нибудь, а огромной цѣнности, — могутъ и люди, которымъ наука никогда не мѣшала думать, просто потому, что они и не пробовали этого: отказъ отъ думанья нѣрѣдко служить прямымъ условіемъ успешности научной работы. Въ области художественнаго творчества полная творческой свободы, неограниченность дерзаний сочетаются с парализующей творчество боязнью. сколь ни старается романисте вытравить изъ своею повѣствованія малѣйшіе слѣды «фотографичности», онъ все боится, что читатель, пожалуй, приметъ ея преобразенную — искаженную? — ея искусствомъ жизнь за подлинную, станеть, въ своей наивности, сочувствовать ея героямъ; — и онъ спѣшитъ, обнажая передъ читателемъ приемы своею творчества, втолковать ему, что все, о чемъ у него рассказано, это ея собственная выдумка, «чистая литература» — и ничего болѣе. Что до поэзии, то не случайно, что одареннейшіе изъ современныхъ поэтовъ пишутъ стихи лишь исключительно рѣдко и постепенно, одинъ за другимъ, отъ поэзии отходятъ. Боятся и они: боятся, что, сколь ни силятся очинить, отдаляясь отъ синтаксиса обыденной речи, вводя слова въ необычные сочетанія, создать свой, чуждый, не «русскій», не «французскій» и никакой иной общій, — единственный языкъ чистой поэзии, слово все же будетъ восприниматься читателемъ со всемъ несомымъ имъ грузомъ общежитейскихъ его смысловъ. Не вѣ силахъ и они единъ отделаться отъ этихъ **СМЫС-**

ловь, ибо слово безъ нихъ — не слово; а отказаться человеку отъ слова значить перестать быть человекомъ. Аналогична трагедія современнаго композитора сочинять «исцѣлю» музыку, музыку, которая никакъ и ничего не говорила бы чувствамъ — таково задание возможно только при условіи: Вытравить безъ остатка собственную душу, т. е. оглохнуть и онѣмѣть.

Такъ революція субстанцій, «бунтъ ангеловъ», завель ихъ въ тупикъ, изъ котораго выхотъ одинъ не реставрація стараго режима, не возвратъ къ старымъ, иносившимся, мертвымъ формамъ, и не отмѣна однажды завоеванныхъ правъ, но подлинное возсѣловлеіе культуры — на началахъ признанія совершившихся фактовъ и вмѣстѣ прекращенія того состоянія отъединенности, разобщенности духовныхъ началъ, которое вецо и ведетъ ихъ къ смерти. Стремленіе къ восстановленію культуры — вторая основная тенденція нашего времени. Происходяція на нашихъ глазахъ напряженныя усиленія создать «чисто-национальную» или «чисто-социалистическую» культуру, — наглядный примѣръ совмещенія обѣихъ тенденцій, другъ съ другомъ органически связанныхъ, — но совмѣщенія уродливаго, искажающаго ихъ сущность. Культура — дело человека; человекъ-же шире и значительнее «чистаго» Нѣмца или «чистаго» Коммуниста. Проблема возрожденія, восстановленія культуры, спасенія ея отъ распада — проблема возрожденія Человека. Въ этой связи важно коснуться нѣкоторыхъ современныхъ направлений въ антропологіи (въ философскомъ значеніи этого слова),

поскольку они касаются данной проблемы.

Иль этихъ направленій одно является, кажется, господствующимъ. Къ нему примыкаютъ замѣчательные мыслители, съ рѣдкой зоркостью увидѣвшие суть современнаго культурнаго кризиса и глубоко вдумавшіеся въ проблему его. Таковы *José Ortega y Gasset*, *Ludwig Klages**). Вкратце такъ можно формулировать то общее, что, при всѣхъ различіяхъ, имеется въ ихъ воззрѣніяхъ. Три начала слѣдуетъ различать въ Человеке, — и ритмика культуры зависитъ отъ тою, какое изъ нихъ въ каждый данный моментъ преобладаетъ. Эти начала: «жизненность», «душа» (сфера эмоцій, «чувствъ») и «духъ» или «интеллектъ». Подлинная, здоровая культура обусловлена совмѣщеніемъ этихъ трехъ началъ. Если преобладаетъ «жизненность» — это, скорее, еще до-культурное состоите. Преобладаніе начала «духа» («интеллекта») или «души» знаменуетъ ущербленность, упадочность культуры. Примѣры: эпоха «Промышленія» съ его разсудочностью, формализмомъ; эпоха романтизма съ его болѣзненной распушенностью. То, что оба эти, столь строинихъ, мыслителя отождествляютъ — и, конечно, вполне сознательно — «духъ» и «интеллектъ**»), является свидѣтельствомъ исклю-

*) J. Ortega y Gasset, *El Tema de nuestro tempo*, Obras (1932), стр. 737-820). L. Klages, *Mensch und Erde; Vom Wesen des Bewusstseins*.

***) Къ нимъ въ этомъ отношеніи присоединяется и Müller-Freienfels. См. его *Die Seele des Alltags*, 1925.

чигельной важности: не говорить ли это в самом деле о «кризисе Запада», об окончательном разрыве со всей христианско-платоновской культурной традицией, об утрате последних следов истинного духовного опыта европейского человечества? Не есть ли это первый, основной, все прочее собою определяющий во всех современных концепциях Государства и Общества, науки и искусства, результат тенденции все обособить, выявить «в чистом виде», препарировать? Понятие духа тогда по необходимости и само собою просто исчезает из поля зрения, — так что в данном случае уже нельзя говорить об ошибке. Ибо дух не есть какое-то самостоятельное, на подобие «жизненности», «души», «интеллекта», и **в** их существующее начало, но то, что эти начала объединяет, совмещает, гармонизирует и тем самым обращает их в силы, творящая культуру «Чистая» жизненности — растительное прозябанье; чистая душевность — пошлая, эгоистическая чувствительность; чистая разумность — мертвящая рассудочность, свойство «человька дѣлающаго орудья», homo faber. Но было бы грубым искажением действительности, если бы сказанное было понято в том смысле, что «дух» — это нечто подобное синтетикону, механически склеивающему вместе «жизненность», «душу» и интеллект. **Духовность** есть способность сочувственно и просветительной мыслью воспринять Вещь-жизни и сознание своей причастности к ней. В плане духовности не существуют отдельных, выполняющих друг относительно друг-

га вещей: разъединение, анализ, производимый интеллектом, — только метод предварительного подхода к уразумению структуры Всединаго, — или проверки результатов творческой, возсоздающей из множественности данных в чувственном опыте, **ИНТУИЦИИ**. Другими словами дух есть сама жизнь на ее высшей ступени, и ею продукты, **ограниченные** от продуктов «Природы» по своей структуре и по законам, определяющим их возникновение, столь же реальны, как юры и реки, растения и животные. Согласно традиционным представлениям рационалистического мировоззрения, Человѣкъ—«Царь Природы», в том смысле, что, познавая ее, вскрывая ее «законы» и подчиняясь им, он тем самым заставляет Природу служить себе (natura non nisi regendo vincitur -- изречение Бэкона Веруламского), и этим путем создает свой мир, мир Культуры. В действительности же, в своем культурном развитии, Человѣкъ соучаствует в процессе творческой эволюции. Культура — не «надстройка» над Природою, но сама Природа, в свободном творчестве раскрывающая свой смысл.

Съ проблемой культуры связана проблема положения ее носителя, «элиты». И эта проблема едва ли когда-либо ставилась съ такой остротой, как сейчас, когда главенствующая роль перешла безраздельно къ массамъ*),

*) Самый глубокий анализ современного «бунта массъ» принадлежит J. Ortega y Gasset'у. См. его La Rebeli6n de las Masas, в Obras, стр. 1063-1176. Отд. книгой

руководившимся не идеями, а идеологами, вёрвбе, пожалуй, просто — «лозунгами», опустошенными словесными формулами. Вот еще одно проявление тенденции нашего времени к «откровенности» и к доведению всего до конца. Никогда еще вербализм, словоблудие, прикрывание самых отчаянных радостей красивыми фразами не достигали такой мастерства, не практиковались с таким безстыдством и — с таким успехом; никогда еще человеческая глупость, доверчивость, податливость на внушения не эксплуатировались с такой постводательностью и столь открыто, и никогда ни один самодержец не терпел таких виртуозов не знающего удержу, отдающего издвзательством, угодничества, каковы ласкатели современных «вождей взбунтовавшихся масс». Что же тогда остается «элите»? Ее функция подсказывается ее именем, этим варваризмом, который не случайно-же вгверся в современную рвч. подобно русскому варваризму «интеллигенция», в усвоении которого Европа недавно ощутила нужду. «Элита» — наследник «интеллигенции», по структуре ее совершенно иного рода. «Интеллигенция», смывшая «хорошее общество», в свою очередь никогда смывшее «книжников», имела с этими последними социальными величинами то общее, что, считаясь и называясь «безклассовой», она все-же, хотя бы по этому отрицательному признаку «безклассовости», являла собою определенную общественную категорию; на дель же она обнима-

— — — — —
 вь нм пер Der Aufstand der Massen, 1933.

ла лиц, обладавших определенным образовательным цензом и принадлежавших к определенным профессиям. До самого недавнего времени в Европе еще можно было различить несколько культурных уровней и культурных стилей, так или иначе связанных с социальным положением соответствующих личностей. В меньшей степени нежели до первой европейской Революции, но все же каждый человек духовно принадлежал к той же среде, к какой он принадлежал по образованию, по профессии, по бытовым условиям; «Культура» все-же как-то сплеталась с «Цивилизацией». Нашему времени выпало на долю осуществить «чистую» Культуру и «чистую» Цивилизацию. Все разоблачая, совлекая все покровы, наше время лишило всякого значения прежние внешние атрибуты культурности — просто потому, что сейчас этими атрибутами обладают все без исключения. Сейчас можно быть ученым, магистром и доктором, академиком и — полунинтеллигентом. И такие случаи — не редкость. Перерождение интеллигенции в полунинтеллигенцию — необходимое следствие эмансипации интеллекта от прочих духовных начал, — явилось причиной, почему в глазах элиты «интеллигентность» перестала быть признаком культурности. Так в наше время осуществляется и раскрывается свой смысл еще один миф, миф бл. Августина о Граде Божьем на земле, об истинной Церкви, церкви «избранных», обреченной зь семь мрф на вечное скитальчество, пребывающей в состоянии смешения с Градом Земным,

подобно полезным злцамъ, произрастающимъ среди плевеловъ. Члены элиты по необходимости входятъ въ составъ человѣческаго общества; но они не образуютъ своего общества: ихъ связь другъ съ другомъ — чистое **общеніе**; съ обществомъ-же людскимъ у нихъ **общенія** нетъ и не можетъ **быть**. Речь идетъ не о непониманіи выдающихся людей массами—фактъ постоянный и общечеловѣчскій: непониманіе предполагаетъ знакомство; въ наше время «избранныхъ», элиту, не то чтобы не понимали: ихъ просто не **знаютъ**, не **замѣчаютъ**. И это различіе въ отношеніи современной и прежней «черни» къ «избраннымъ» объясняется различіями общественной структуры. Прежняя «элита» обладала престижемъ тою слоя, къ которому она принадлежала — и это возбуждало къ ней интересъ и даже влечете. Это, во-первыхъ. Во-вторыхъ, то, что она давала «черни», изобиловало элементами **общепонятнаго** и общедоступнаго и именно эти элементы въ ея творчествѣ застилали его подлинную сущность. Что касается современной элиты, то, во-первыхъ, она не опирается ни на какую социальную категорию, которая могла бы сообщить ей свой престижъ — до такой степени поднялось са-

мосознаніе «черни»;—во-вторыхъ, ея творчество свободно отъ тѣхъ элементовъ «человеческаго черезчуръ человѣческаго», благодаря которымъ продукты творчества всѣхъ предыдущихъ періодовъ имѣли спросъ и распространеніе въ качестве, такъ сказать, суррогатовъ тою, что «чернь» всегда требовала отъ философовъ, поэтовъ, музыки, живописи: Достоевскаго, если угодно, можно читать въ качествѣ суррогата Уоллеса или Бибутовой, а Бунина или Пруста никакъ нельзя. До сихъ поръ «элита» кому-то или чему-то такъ или иначе служила — «человечеству», «прогрессу». Теперь, въ силу необходимости, ея «служеніе» не направлено ни на что, кроме — выпоненія своей призванія. Какъ нельзя более характерны для нашей времени слова, которыми заключаетъ свою книгу «Всемирная Исторія и ея ритмъ» одинъ изъ наиболее вдумчивыхъ представителей современной элиты, Фридрихъ Корнелиусъ *) : «Цель историческую развѣнія не лучшее будущее, а — будь ты самъ темъ, чѣмъ Богъ хочетъ, чтобы ты былъ»

П. Бицилли.

*) Fr. Cornelius, Weltgeschichte und ihr Rhythmus. 1925.

Проектъ мнимаго дѣла

(О Н. О. Федоровѣ и его продолжателяхъ).

Въ исторіи русской мысли мѣсто Н. О. Федорова определить не просто. Писателемъ онъ не былъ, и философской системы не строилъ. Не былъ онъ и проповѣдникомъ, хотя и чувствовалъ

себя призваннымъ свидѣтельствовать. Если писалъ, то для себя и разве для немногихъ друзей, а всегда очень доверительно, и не для чужихъ. Никогда не могъ сделать общаго очерка своихъ